

Лоу Цинкун сдержанно обменялся дежурными приветствиями с подошедшими двоюродными братом и сестрой, чьи лица выражали холодное нежелание, а затем ответил на множество вопросов тетушки, улыбавшейся так широко, что её лицо покрылось морщинами. Когда же та намеренно задала каверзный вопрос, Лоу Цинкун вальяжно развалился в кресле, касаясь рукой меча Чжаныюэ, и без малейшего смущения погрузился в молчание.

Между ними и без того было о чем поговорить, и какое-то время все сидели в гостиной в полном молчании. К счастью, вовремя пришла старшая служанка от старухи — она передала, чтобы молодой господин немедленно шел туда: стоило старухе получить весть, как она поднялась с постели, и барышня тоже ждала их там.

Тогда они поднялись и направились во двор старухи. Господин Чжао справился о здоровье матери, сослался на срочные дела и ушел. Сейчас все мысли старухи были заняты вновь обретённым младшим господином, поэтому она лишь небрежно махнула рукой, а после и вовсе выгнала невестку, внука и внучку, оставив лишь Лоу Цинкун с его сестрой Лоу Цинъюй. Даже служанок она выпроводила ждать за дверью.

Старуха уже чувствовала, что вскоре отправится вслед за покойным мужем. Днем и ночью её терзали мысли о деле возрождения страны, которое некогда император поручил Великой принцессе. Хотя в своё время, после гибели Великой принцессы, та передала ей предсмертное письмо, наказывая семье Чжао жить мирной и спокойной жизнью, не желая, чтобы они вновь проливали кровь и пот за усопшую родину, а также велел ни в коем случае не рассказывать об этом младшему господину и его сестре, в последнее время, чем старше становилась старуха, тем сильнее её одолевали воспоминания о прошлых днях. Перед глазами вставали погибшие сестры и братья, а также покойный муж, с которым ей не довелось увидеться в последний час и могилу которого она не смела построить открыто и с почестями. В сердце нарастала тяжесть. Теперь же она хотела перед смертью узнать мысли младшего господина — неважно, пожелает ли он проложить путь в новый мир или предпочтет жить в тишине и покое, — чтобы хотя бы уйти из жизни с ясностью на душе.

Не видевшись три года, троица вдоволь наговорилась. Лоу Цинкун вкратце рассказал о событиях трехлетней давности, опустив погоню Мин Мэн за Лао Байвэй и её странную перемену, и поведал лишь о том, как спасался от преследователей, сорвался со скалы, был спасен Наставником и три года постигал мастерство.

Услышав это, старуха сквозь слезы заговорила, что непременно должна лично навестить наставника своего внука, а Лоу Цинъюй принялась расспрашивать о предпочтениях учителя Лоу Цинкуна, мысленно подсчитывая, как лучше составить список благодарственных даров.

Больше всего Лоу Цинкуна поразило то, что сестра Лоу Цинъюй, словно забыв о внезапной холодности после замужества в клан Лю, вновь вернулась к прежнему образу — была с ним невероятно ласкова, а в общении с остальными держалась дерзко и смело. Казалось, будто между ними никогда не возникало того странного отчуждения, словно всё это время они были прежними.

Забыв о всяких приличиях, она утерла слёзы, радостно улыбнулась, поднялась, встала за

креслом Лоу Цинкуна и крепко обхватила руками голову брата, который уже перерос её, прижав к своей груди. Лоу Цинкун, уткнувшийся лицом в грудь сестры, густо покраснел, однако в глубине души он был рад переменам в ней и не стал отталкивать её, лишь напрягся всем телом, позволяя делать всё, что ей вздумается.

Старуха, глядя на то, как обычно сдержанная Лоу Цинъюй вновь проявила озорной нрав, свойственный ей в детстве, когда ещё была жива Великая принцесса, невольно рассмеялась. Затем она посмотрела на повзрослевшего Лоу Цинкуна и с глубоким вздохом произнесла: Наш Цинкун уже так вырос, пора ему и о жене, и о детях подумать. Подумать только, клан Лоу, стремясь породниться с главой союза Мин, умудрился превратить невестку в мачеху! До чего же бесстыдные люди, Цинкуне не стоит больше и думать о ней. Скажи, каковы твои требования? Старуха непременно сама выберу для тебя хорошую жену.

Услышав это, Лоу Цинъюй с гневом выругала клан Лоу и выразила крайнее отвращение к Мин Мэн. В своё время помолвка между Мин Мэн и её младшим братом была заключена по предложению главы союза Мин Батяня еще до смерти их матери. И даже после внезапной кончины матери глава союза Мин и не думал отступаться, открыто заявляя повсюду, что Лоу Цинкун — желанный и ценный зять, которого он видит своим преемником. В детстве Мин Мэн была вполне милой девочкой и часто приходила поиграть с Лоу Цинъюй и её младшим братом. К сожалению, после смерти матери Лоу Цинкуна в дом вошла мачеха, и у Мин Мэн больше не было возможности заглядывать к ним. Когда они выросли, от прежней детской дружбы не осталось и следа. Напротив, она затаила обиду и злобу из-за того, что её женихом стал Лоу Цинкун — человек, на которого все смотрели с презрением. Более того, после того как Лоу Цинкун при загадочных обстоятельствах сорвался со скалы, она намертво привязалась к второму молодому госпоже дома Лоу по имени Лоу Цинмин и упрямо решила выйти за него замуж во что бы то ни стало. Союзнику Миншую ничего не оставалось, как выдать свою любимую дочь замуж, однако с тех пор он до крайности разочаровался в некогда самой балованной единственной дочке и стал относиться к ней крайне холодно.

Втайне даже ходили слухи, будто Мин Мэн забеременела ещё до свадьбы, из-за чего Союзник Мин и был вынужден признать этот брак. Иначе, учитывая нрав Союзника Мин, разве согласился бы он на такое, чтобы вдова брата становилась женой младшего брата?

Однако Лоу Цинъюй лишь немного выплеснула эмоции, и на этом всё закончилось. В конце концов, всё это произошло больше двух лет назад, а сейчас было куда важнее поскорее найти для младшего брата добропорядочную женщину. Поэтому она тоже принялась рассуждать о том, каковы дочери и барышни из различных семей в Наньчэн.

Сначала Лоу Цинкун ещё как-то держался, но стоило завести разговор о женитьбе, как он тут же продемонстрировал реакцию, подобающую юноше-подростку: он в панике замахал руками, до смерти боясь, что если замедлит с отказом, то уже завтра обзаведется женой.

— Бабушка, сестрица, давайте отложим разговор о женитьбе на потом, — выпалил он, а затем сообразил, что его слова прозвучали двусмысленно, и миг почувствовал себя бесконечно виноватым перед тем человеком, которого он бережно хранил в самом сердце. По его мнению, если полюбил кого-то, нельзя больше вести себя двусмысленно.

И потому, хотя его лицо от стыда залило багрянцем, голос прозвучал необычайно твёрдо:

— К тому же, к тому же у меня уже есть любимый человек! В этой жизни, если я не смогу быть с ним, я всё равно буду вечно следовать по пятам и оберегать его! Услышав это, оба собеседника удивленно обернулись к Лоу Цинкуну. Однако мгновение спустя они рассмеялись: они неверно истолковали его слова. Сейчас Цинкун уже вырос, и то, что у него появился любимый человек, — прекрасный повод для радости. Лоу Цинъюй с любопытством приблизилась, опустилась на стул рядом с братом и расспросила: Мой братец так хорош, он, конечно же, сможет жениться на той, кто ему по сердцу. Скорее расскажи сестрице, как вы встретились? Что она за человек?

При упоминании возлюбленного на лице Лоу Цинкуна по-прежнему сохранялось сдержанное и серьезное выражение, но его глубокие глаза вмиг засияли: Он... красив, искусен в боевых искусствах, обладает широким кругозором и чистым характером. Хотя он и кажется холодным и немного вредным, на самом деле он очень любит поесть и невероятно мил! Каждый раз, когда я готовлю что-нибудь вкусненькое, он делает холодное лицо, но его глаза так ярко и с таким предвкушением смотрят на меня...

Постой-постой, братец, ты... ты еще и готовишь для нее? В воображении Лоу Цинъюй возникла холодная красавица, которая сроду палец о палец не ударила. К тому же, если она расслышала верно, эта девушка еще и прекрасно владеет боевыми искусствами? Разве в таком случае ее младший брат не превратится в бесхребетного слабака, которого станут безжалостно эксплуатировать?!

Не в силах принять это, Лоу Цинъюй принялась теревить в руках носовой платок. Подняв взгляд, она увидела на лице брата выражение полного согласия с мыслью: «А что тут не так?». Он выглядел донельзя довольным и, казалось, был готов сам лечь плашмя на землю, лишь бы возлюбленная попирала его ногами. Плечи Лоу Цинъюй бессильно опустились. Ладно уж, ладно! Раз ее братец сам от этого без ума, раз один бьет, а другой подставляется, лишь бы жили хорошо, — и то ладно!

Старуха с другого конца стола отнеслась к услышанному куда спокойнее. В силу преклонного возраста она многое видела в жизни и проще ко всему относилась. Прежние тревоги рассеялись, стоило ей взглянуть на то, как молодой господин с детским воодушевлением и трепетом описывает своего избранника. Быть может, когда Великая принцесса наказывала не открывать брату и сестре правду, она просто желала им обычного счастья? Прежнее замужество Лоу Цинъюй случилось внезапно: как раз тогда ее брат срочно уехал по неотложным делам в другие края. Сама она, будучи старой женщиной, узнавала новости с опозданием и провела во неведении несколько месяцев, а когда весть наконец дошла до нее, дело было уже сделано — оставалось лишь надеяться, что слухи о нраве молодого господина Лю преувеличены.

Кто бы мог подумать... Старуха с извиняющимся взглядом посмотрела на Лоу Цинъюй, которая только что поддразнила младшего брата и теперь вовсю веселилась. Три года назад Лоу Цинъюй в одиночку явилась прямо в семью Чжао, твердо вознамерившись расторгнуть брак. Однако из-за молчаливого сговора кланов Лю и Лоу, не желавших разрушать родственные связи, дело так и застряло на месте, повиснув в неопределенности. Теперь же, даже если бы

они захотели найти для Цинъюй хорошую партию, мешал статус молодой госпожи семьи Лю. А этот молодой господин Лю, напротив, вел себя беззаботно и всё бессовестнее пропадал по борделям и веселым кварталам, а во внутренний двор тащил девиц любого сомнительного происхождения, стоило им только приглянуться. Что еще возмутительнее, он привел во внутренний двор даже нескольких мужчин — до чего же омерзительное, дикое зрелище!

Мысли старухи вернулись к настоящему, и в этот момент она заметила, как Лоу Цинкун — раскрасневшийся от подначек родной сестры, но с по-прежнему горящим и серьезным взглядом — говорил о своей возлюбленной. Видя, что у парня от смущения чуть ли дым из ушей не идет, она поспешно улыбнулась:

— Ладно, хорошо, что у Цинкуна появилась любимая девушка. Раз уж ты наотрез отказываешься привлекать нас к этому делу, то когда барышня согласится выйти за тебя, просто дай знать — уж мы-то позаботимся о том, чтобы твою свадьбу сыграли по высшему разряду! Скажи-ка, Цинкун, а какие у тебя планы на будущее?

Услышав вопрос о женитьбе, Лоу Цинкун помрачнел. Даже если бы он сам на это решился, он не мог допустить, чтобы Наставник стал мишенью для людских насмешек. К тому же Наставник ни малейшего понятия не имел о его чувствах; узнай он обо всем, тут же выгнал бы его прочь. Стоило вспомнить хотя бы Лао Байвэя, как становилось ясно: Наставник, судя по всему, питает особенное отвращение к отношениям между мужчинами...

При этих мыслях прежнее волнение — ведь он впервые заговорил о любимом человеке в кругу самых близких людей — улетучилось, сменившись привычной рассудительностью.

— Никаких особых планов нет. Мое заветное желание — жить простой и тихой жизнью рядом с тем, кого люблю.

Старуха немного поколебалась, но всё же допытывалась:

— Теперь, когда ты обучен боевым искусствам и уже не тот наивный мальчишка, неужели тебе совсем не хочется чего-то добиться? Например, заняться делами семьи Лоу? Или той девчонки Мин Мэн? А может, совершить нечто выдающееся в мире Цзянху или при дворе?

Длинноногий юноша в свои восемь-девятнадцать лет как раз находится в полном расцвете сил, когда хочется немедленно забраться повыше, окинуть взглядом просторы и вершить судьбы, стоило лишь взмахнуть рукой — и толпы людей последуют за тобой с восторженными криками. А о тихой и размеренной жизни обычно мечтают лишь люди в преклонных годах, сполна познавшие все взлеты и падения человеческого бытия.

Сидевшая рядом Лоу Цинъюй, судя по всему, тоже заинтересовалась.

— Разве в детстве ты не то и дело твердил, что станешь великим мастером боевых искусств и отправится странствовать по Цзянху?

Хотя она задала этот вопрос, в нем было поровну праздного любопытства и легкой шутки. Когда-то она поверила словам мужчины, звавшегося ее отцом, и вышла замуж по его воле, наивно полагая, что взамен он сдержит слово и как следует позаботится о младшем брате. Но

лишь когда с братом стряслась беда, она поняла, насколько была наивна: оказалось, после ее отъезда жизнь брата стала еще тяжелее и горше, а то, что она считала защитой, на деле обернулось совсем иной болью. С той минуты Лоу Цинъюй отбросила последние крохи надежды и доверия к этому человеку.

Традиционные приличия твердили, будто замужняя дочь семьи Лоу покинула дом мужа при невыясненных обстоятельствах и поселилась у бабушки, потеряв лицо. Но если кто и терял лицо, так это семья Лоу и семья Лю — какое ей до этого дело?!

После всего пережитого Лоу Цинъюй прозрела и видела всё насквозь. Ей хотелось лишь одного: чтобы любимые ею люди и те, кто любит ее, жили свободно, раскованно и по собственной воле наслаждались душевным покоем, не обращая ни малейшего внимания на чужие языки.

И что с того, что каждый раз на улице кто-то тычет в нее пальцем? Что с того, до каких пор тетка будет сыпать ядовитыми словами? Пока бабушка хранит молчание и ни в чем ее не упрекает, она будет с радостью и улыбкой сидеть подле нее, скрашивая ее дни.

Теперь же вернулся младший брат, которого, как она думала, уже нет в живых, и Лоу Цинъюй чувствовала себя абсолютно счастливой. Даже если бы брат заявил, что его предел мечтаний — стать уличным разносчиком с коробом наперевес, она бы с радостью поддержала его и без тени смущения сама пошла бы в торгоки.

Лоу Цинкун беззаботно рассмеялся, и на его лице отразилось полное удовлетворение:

— Мне повезло повстречать Наставника, иначе я бы и вовсе лишился жизни. Прожив в долине столько лет, я полюбил ту мирную и ни с кем не борющуюся жизнь. Теперь же я и вовсе понял: нельзя быть слишком жадным, получив хоть капельку, нужно с благодарностью ценить это. К тому же, к чему вся эта власть да слава? Всё это лишь напоказ чужим людям, а сам надрываешься ради этой пустой суеты — сущая глупость. Старшая госпожа пристально вглядывалась в этого юношу с волевыми, красивыми чертами лица и аурой непоколебимого спокойствия... или, пожалуй, его уже стоило называть мужчиной? Когда-то совсем крошечный комочек, теперь он вырос в мужчину, на которого можно положиться без тени сомнений.

Видя это, тяжелый камень наконец упал с души старухи, рассеяв все ее тревоги. Заметив сияющие довольные улыбки на лицах обоих внуков, она лишь в этот миг до конца осознала истинный замысел Великой княгини.

Если так, то ваша светлость, теперь, когда ваша душа на небесах, можете обрести покой...

Закончив говорить, Лоу Цинкун помрачнел и сосредоточенно произнес:

— Завтра нам предстоит заняться одним весьма важным делом. Мы должны навестить в Горную усадьбу Справедливости, что за городом. Дело серьезное, и я опасаюсь, как бы не возникло каких-нибудь непредвиденных осложнений.

Услышав, что Лоу Цинкун уходит, Лоу Цинъюй, теперь уже знавшая, что у младшего брата все под контролем, не стала отговаривать его. Напротив, она поспешила перенести на сегодня запланированный визит к Наставнику брата. Узнав об этом, старшая госпожа тут же велела позвать слуг, и они вдвоем, отдавая четкие и слаженные распоряжения, принялись за дело. Так продолжалось, пока в полдень не вернулся господин Чжао. Вся семья пообедала и стала готовиться к визиту.

К сожалению, здоровье старшей госпожи оставляло желать лучшего. Утром она перенесла слишком сильное волнение, и после полудня у нее совсем не осталось сил. В конце концов, по настоянию самой госпожи, господин Чжао был вынужден отложить все дела и вместе с Лоу Цинъюй и Лоу Цинкуном отправиться с визитом к Линху Фэну, временно остановившемуся в Наньчэне.

Весть передали еще утром, так что Линху Фэн успел подготовиться.

А Цзю, который то и дело пропадал куда-то после их выхода из долины, на этот раз появился вовремя. Вчера он осознал свою оплошность: допустить, чтобы господин приехал сюда и ждал целую вечность, прежде чем смог отдохнуть! Раскайвшись, он тут же бросился нанимать больше двадцати обученных слуг и всю ночь напролет наводил в усадьбе такой порядок, что к утру ее было не узнать. Сегодня за завтраком Лю Шия даже не скрывала изумления, искренне восхищаясь тем, насколько же А Цзю способен. В пути А Цзю обычно объявлялся лишь во время приготовления трех приемов пищи, после чего Линху Фэн велел ему заниматься своими делами, а Лоу Цинкун вызвался полностью взять на себя заботу о Наставнике, так что А Цзю и вовсе исчез, объявившись вновь лишь у ворот Наньчэна, чтобы проводить их до этого места. Тогда на А Цзю уже была надета вуаль, скрывающая лицо; впрочем, поскольку его внешность и впрямь была пугающей, ни Лоу Цинкун, ни Лю Шия не стали гадать о причинах. Лишь Линху Фэн окинул его задумчивым взглядом, но вскоре его внимание целиком захватили рассказы Лоу Цинкуна о местных деликатесах Наньчэна.

Линху Фэн никогда не придавал особого значения условиям жизни, однако А Цзю всегда содержал его окружение в идеальном порядке. Хотя на этот раз они планировали погостить лишь недолго, А Цзю все равно выкупил просторный четырехдворный особняк, который выглядел даже внушительнее поместья Чжао. Теперь, стараниями слуг под четким руководством А Цзю, усадьба была заново украшена. В ней не было изысканности Цзяннаня, но зато повсюду ощущался такой размах и величественность, что любой гость с порога проникался трепетом перед хозяином и не смел вести себя вольготно.

Господин Чжао посидел немного в гостиной в ожидании учителя и благодетеля своего новоявленного племянника. Первым впечатлением стало... холод. Необыкновенный, пронизывающий холод. Господин Чжао мгновенно почувствовал себя крошечным муравьем под ногами этого человека. Мужчина, который всегда побеждал всех и вся благодаря своему простодушному виду и умению находить нужные слова с кем угодно — будь то простой человек или хитрый демон, — в тот же миг был настолько подавлен, что не смел даже поднять голову. Разглядев лишь смутный силуэт, он инстинктивно опустил взгляд, встал и почтительно сложил руки в приветственном покрове.

Куда только подевалось прежнее недовольство из-за того, что при входе их встретили лишь

слуги, а самого хозяина не было и в помине?!

Господин Чжао понятия не имел, что у этой ауры, внушающей благоговейный страх, неполноценность и невольное ощущение трепета перед грозным небожителем, было точное и хлесткое название: высокомерная холодность.

Гордый и холодный Линху Фэн лишь лениво бросил на гостя пренебрежительный взгляд из-под полуприкрытых век, с каменным лицом прошел к главному крестьянину, опустился на него и сделал глоток теплого чая, чтобы окончательно проснуться. Да, все верно: он, привыкший всегда спать после полудня, просто-напросто переспал и теперь чувствовал себя немного сонным.

Именно поэтому он не вышел встретить гостей вовремя, а А Цзю искренне считал, что опоздание господина — это абсолютно нормально. Остальные же слуги и вовсе не были настолько глупы, чтобы осмелиться потревожить сон хозяина.

<http://bllate.org/book/21694/2237558>